

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПРЕДДВЕРИИ РЫНКА: ТРЕВОГИ, ОЖИДАНИЯ, НАДЕЖДЫ

Л. А. Беляева

Переход России к современному рыночному хозяйству делает чрезвычайно интересным исследование проблем изменения социального положения, статуса и роли общественных групп, традиционно считавшихся носителями передовых общественных отношений. В то же время на авансцену политической, социальной и экономической жизни выходят и утверждаются новые слои, несущие неизвестные ранее ценностные установки и образцы поведения. Удастся ли достичь бесконфликтного взаимодействия разнонаправленных интересов социальных групп и слоев, снизить уровень социальной напряженности и антагонистичности общества?

Выход России из кризиса правомерно рассматривается как переход к рыночной системе хозяйства, где многоукладная экономика составляет базис гражданского общества. Вступление на общецивилизационную дорогу для нашего общества связано с кардинальными изменениями системы экономических отношений, с такими преобразованиями в экономике, которые создадут сильную мотивацию труда. В самом общем виде достаточно ясно, что успех перестройки в решающей степени зависит от готовности и способности большего числа людей реализовать свои экономические интересы, включиться в процесс экономических преобразований, не вступая при этом в непреодолимые противоречия друг с другом. Реальное же движение к рынку в наших условиях не только многовариантно, но и самим ходом исторического развития может быть на длительное время затруднено.

События августа 1991 года и последовавшие затем изменения в расстановке политических сил в стране, на первый поверхностный взгляд упростили переход к системе рыночных отношений и этот переход многим виделся по началу, как безболезненный, цивилизованный вход в рынок. Но эта эйфория столкнулась с реальностью тяжёлого экономического кризиса, обнищанием большинства населения, крайней плюрализацией общественного сознания, что в совокупности составляет крайне неблагоприятный фон, для проведения экономической реформы такого масштаба. В этих условиях необходимо возможно более полно учитывать сложную расстановку политических сил России, претензии экономических субъектов на собственность, соотнося этот подход с проблемами экономической рациональности и скорейшего преодоления кризиса.

Общественные процессы, происходящие в России, выявляют опасную тенденцию появления противоречий, вызывающих центробежные потоки в обществе. Эти потоки не только республиканского, национального, регионального характера, но сейчас уже и социально-политического. Они порождены усилением экономической дифференциации в обществе, сопровожда-

ются люмпенизацией населения, что влечет следом и политическую конфронтацию. В этих условиях неизбежно столкновение интересов социальных групп и слоев общества, достижение консенсуса которых, чем дальше общество это противоречие не будет разрешать, становится всё более проблематичным. Так, уже сейчас обнаружилось сильное популистское движение, как реакция широких народных масс, прежде всего рабочего класса, на своё положение в системе политической власти и экономических отношений. И если ранее административно-государственный аппарат рассматривал рабочий класс как балласт, который придает кораблю устойчивость, то теперь положение меняется: рабочий класс осознаёт себя, организуется мощное движение и может стать той общественной силой, которая создаст перевес в расстановке политических сил в пользу радикальных преобразований в экономике. Вместе с тем, есть опасность, что будут предприняты попытки использовать рабочее движение для нападков на проводимые реформы, попытки реанимировать традиционный образ "классового врага", сделать массы ударной силой в политической борьбе за власть.

Итак, былая благодать и идиллия уходят в прошлое. Разбуженная страна являет собой целый спектр разнонаправленных социальных интересов групп, классов, слоев, связанных с их теперешним положением и предстоящим перемещением в социальной иерархии. В этих условиях первостепенное значение приобретает вопрос — как будут формироваться хозяйственные субъекты, выходящие на рынок. Лучшие экономические результаты, как показывает мировой опыт, получают те из них, которые несут полную материальную ответственность за используемые ресурсы и являются их собственниками. Они и служат социальной базой гражданского общества, заинтересованны в его стабильности и поступательном развитии. Прав В.-С. Нерсисянц, который пишет, что становление гражданского общества невозможно без экономического фундамента прав и свобод — индивидуальной собственности (1).

В нашей стране характер и судьба прав и свобод человека обусловлены природой и закономерностями становления и развития государственной собственности, обезличенной, централизованной, отчужденной от конкретных людей. Для того же, чтобы собственность могла нормально и эффективно функционировать, необходимо прямо противоположное — наличие конкретных, индивидуальных собственников. Это внутреннее противоречие — определенный фактор нашего исторического развития. Все попытки разрешить его исходили из государственной концепции социалистической собственности, были нацелены на её сохранение и усиление. Между тем разрешение этого противоречия возможно только путем освобождения собственности от государственной формы, которая стала оковами для рационального использования и развития, и трансформации её в индивидуализированную собственность всех граждан.

В печати обсуждались проблемы разгосударствления собственности, приводились аргументы "за" и "против" продажи собственности и безвозмездной передачи коллективам или всем гражданам (2). Для нашей страны, с длительным господством государственной собственности, где широко

распространены антикапиталистические ориентации, опасна открытая рекапитализация экономики. Но вот под прикрытием идеологических ширм становится вполне реальной передача собственности государственно-капиталистическим концернам, номенклатурным государственным и партийным работникам, сросшимся с ними мафиози. Возникает серьёзная перспектива таких квазипреобразований экономических отношений, когда ключевые посты в экономике займет новая партийно-бюрократическая буржуазия при нищем населении. Тогда отношения собственности принципиально не изменяются, по-прежнему масса производителей будет отчуждена от собственности, изменится только форма управления: от отраслевого с министерством во главе — к созданию государственных акционерных предприятий и концернов. При этом государственная собственность не преобразуется в коллективную, монополия государства сохраняется со всеми вытекающими последствиями: теми же пороками государственного инвестирования, государственного планирования, монопольным положением на рынке, отсутствием заинтересованности рабочих, которые не могут влиять на развитие предприятия, отчуждены от управления. Формирование акционерных форм на базе старых монополизированных структур не внесет кардинальных изменений в хозяйственную жизнь, не станет условием создания рыночных отношений.

Далее. Все более актуальное значение приобретает и вопрос о признании частной собственности, в том числе крупной. Половинчатость, компромиссность в решении этого вопроса, откладывание его на "потом" не способствует развитию рыночных отношений. Латентное существование этой формы собственности дестабилизирует экономику, а её высокая экономическая эффективность, даже в виде теневой экономики, делает её возрождение в той или иной форме неизбежным. Было бы рационально использовать частный сектор, в том числе в виде крупных предприятий, для создания конкуренции и формирования долгосрочной мотивации в рамках других форм собственности. Известно, что при коллективных формах превалирует потребительская ориентация в распределении прибыли в ущерб накоплению. Крупная частная собственность, напротив, ориентируется на перспективное развитие производства, и в этом смысле она способна формировать предпосылки для конкуренции, подорвать монополизм отдельных предприятий, существующий как в государственном, так и в кооперативном секторах (3).

Словом, процесс разгосударствления собственности многовариантен и особое значение имеет современный переходный период, для которого характерно динамическое изменение общественных ориентаций и сложная диспозиция социальной структуры общества. Дело в том, что она содержит слишком мало элементов, соответствующих современной рыночной экономике.

Однако уже первые годы развития альтернативного сектора экономики — кооперативных, арендных, совместных предприятий, фермерских хозяйств и т. д. — того сектора, в котором, в отличие от государственного, содержится больше условий для проявления предприимчивости, деловито-

сти, профессиональных качеств, показали вполне нормальную реакцию населения на изменение экономических отношений. Преимущества негосударственных предприятий, даже с учетом жесткого давления со стороны административно-командной системы, оказались столь впечатляющими, что работающие сразу оценили позитивные стороны работы на них. Исследование "Наши ценности сегодня"* показало, что при минимальной занятости на этих предприятиях (2,7%), хотели бы иметь их в качестве основного места работы 28,6%, а для дополнительного заработка — 21,9%. Соответственно снижается привлекательность труда на государственных предприятиях — если сейчас здесь занято 51,1% опрошенных, то хотели бы здесь работать только 43,7%. Кстати, при очень слабом развитии альтернативного сектора в сельском хозяйстве многих привлекает труд самостоятельного крестьянина или фермера, а также в личном подсобном хозяйстве как основном месте работы. Более 13,8% от числа опрошенных хотели бы быть фермерами или постоянно заниматься личным подсобным хозяйством.

Не претендуя на освещение всех проблем, стоящих перед обществом накануне рынка, выделим часть тех, которые, во-первых, определяют вхождение в рынок наиболее многочисленной группы — работников физического труда; во-вторых, обуславливают изменение положения интеллигенции в условиях рыночных отношений; в третьих, создают перспективу формирования среднего слоя общества.

1. Физический труд: тернистый путь к рынку.

Можно со всей определенностью сказать, что при существующей структуре материального производства положение работников физического труда в условиях развития рыночных отношений достаточно драматично. В структуре работников физического труда реально переплетены три разнокачественные группы, связанные с доиндустриальными, индустриальными и постиндустриальными формами производства. Количественно первые две группы доминируют и во многом определяют сложность и противоречивость вхождения в современную рыночную экономику.

Структура народного хозяйства крайне перегружена отраслями ВПК, кроме того, имеет громадный спектр отсталых, неэффективных отраслей, разорительный для страны инвестиционный комплекс, ориентированный преимущественно на производство средств производства. Отсутствие динамики в приближении производства к современному мировому уровню объясняется тем, что безраздельное господство государственной собственности исключало из экономического процесса многообразные индивидуальные и групповые интересы в преумножении собственности. Государство, вкладывая огромные средства в развитие вещественных элементов произ-

* Исследование проводилось с участием автора статьи в 1990—1991 гг. по репрезентативной для населения России выборке с использованием метода формализованного интервью. Руководитель член-корр. РАН Н. И. Лапин.

водства и относительно снижая долю потребления, делало все более вялыми стимулы к труду. Монополизм государственной собственности обернулся снижением эффективности инвестиционного процесса и консервацией неразвитой структуры занятости. Это способствовало настойчивому сохранению доиндустриальных и индустриальных форм производства с отсталой структурой работников, занятых зачастую во вредных и тяжёлых условиях. Именно такой труд обедняет личность, формирует неразвитую систему потребностей, деформирует образ жизни. Его наличие обуславливает присутствие наиболее глубоких социальных различий в обществе, воспринимается трудящимися как нарушение социальной справедливости, провоцирует возникновение зон социальной напряженности. Сейчас ручным трудом занято в промышленности 34,9%, в строительстве 56,4%, в сельском хозяйстве 70% работающих. Всего в народном хозяйстве бывшего Союза ручным трудом занято 50 млн. человек, или 38% (4). В том числе около 4 млн. женщин заняты тяжёлым физическим трудом в условиях, которые не отвечают нормам и правилам охраны труда (5).

Темпы же сокращения ручного труда таковы, что позволяют на много десятилетий вперёд обеспечить миллионы наших граждан непрестижным малоэффективным трудом.

Оплата такого труда требует немалой дотации за счёт высококвалифицированных рабочих и специалистов. По данным Н. М. Римашевской в конце 80-х годов малоквалифицированный труд стал преимущественно средне и высокооплачиваемым, а среди высококвалифицированных рабочих и особенно специалистов с высшим образованием более чем в два раза увеличилась доля с низким заработком (6). По некоторым оценкам, черно-рабочий, производящий вновь созданной стоимости на 600 руб., получает дотацию к заработной плате в 2000 руб., всего же в госсекторе дотация низкоквалифицированным работникам составляет 80 млрд. руб. (7). Эти и другие вынужденные меры социальной компенсации за непрестижный и непривлекательный труд ведут к уравниловке, ущемлению высококвалифицированных работников. Одновременно такая политика порождает и сложность в сокращении и ликвидации рабочих мест неквалифицированного труда, так как его повышенная оплата способствует относительной стабильности этой сферы. Этому же служит и привлечение рабочих из ряда зарубежных стран во многие регионы Союза.

Такие вынужденные меры позволяют временно ослабить проблему "нехватки" рабочих рук, но они же приглушают насущную необходимость внедрения новых технологий. Использование дешёвой рабочей силы выгоднее предприятиям и министерствам, чем коренная реконструкция предприятий, ведь новые технологии стоят весьма недёшево. Неудивительно, что воспроизводство рабочих мест с неблагоприятными условиями труда происходит пока в расширенном масштабе. С введением рыночных отношений положение должно измениться, так как дотация 20% предприятий, осуществляемая ранее, теперь не сможет покрываться за счёт бюджета, рост же цен на продукцию этих предприятий экономически не всегда будет оправдан.

Сейчас скрытые излишки рабочей силы, по подсчётам экономистов, составляют в народном хозяйстве 13—19 млн. человек, большинство из которых заняты неквалифицированным трудом, при острой нехватке 700 тыс. высококвалифицированных рабочих, способных эффективно трудиться в условиях новых технологий и прогрессивных форм организации труда (8). Так что реорганизация народного хозяйства, преобразование структуры экономики в соответствии с требованиями НТП в условиях нашей страны будут сопряжены с квалификационной мобильностью работающих, с необходимостью введения социальных гарантий и компенсаций.

Справедливости ради надо сказать, что с началом перестройки была предпринята попытка оmodernить структуру народного хозяйства. Для этого был взят курс на ускорение научно-технического прогресса. Однако без преобразования общественных отношений экстенсивное наращивание вложений в машиностроительный комплекс было обречено на неудачу, что вскоре и произошло. Реально в стране возник разрыв между продвинувшейся демократизацией политических структур и отношений и ухудшением экономической ситуации в стране. В этих условиях вопросы научно-технического развития и структурной реорганизации народного хозяйства отодвинулись на второй план и сложилась такая ситуация, что внедрение рыночных отношений и реконструкция народного хозяйства осуществляются как бы независимо друг от друга. Это в немалой степени объясняется теоретической непроработанностью проблемы сочетания рыночного и централизованного регулирования экономики. Широко распространена иллюзия, что ликвидация ведомственности и "включение" социалистического рынка быстро устранят диспропорции в технологической структуре экономики и обеспечат высокие темпы НТП. Между тем мировой опыт, прежде всего развитых стран, показывает, что в условиях НТР государственное вмешательство в экономику отнюдь не уменьшается, а становится более избирательным и целенаправленным, концентрируясь в сфере технического развития, новейших секторов экономики. Нашей стране пока не удается успешно идти по этому пути. В отличие от Японии или новых индустриальных стран, в СССР колоссальные ресурсы в централизованном порядке вкладывались в безнадежно устаревшие технологии в иррациональных интересах расширенного воспроизводства ведомственных структур (в традиционную водную мелиорацию, устаревшие металлургические и химические производства). В условиях ведомственно-бюрократической системы хозяйствования мы так и не смогли в полной мере использовать объективные преимущества догоняющей страны. Реакция на структурные сдвиги в развитых странах происходила с большим опозданием. Отставание от них приблизилось к критической величине. По некоторым оценкам к середине 80-х гг. оно составило 15—25 лет, увеличившись по сравнению с серединой 60-х гг. почти в двое (9). Анализ тенденций научно-технического прогресса и технического перевооружения производства за последние пять лет показывает, что положение здесь только ухудшилось (10). Это означает, что в предстоящие годы, когда социальная ситуация настоятельно потребует наращивать производство в потребительском секторе, отрасли тяжёлой

индустрии, в том числе машиностроение, не получают инвестиций на коренное обновление производства. Казалось бы, это благо для народного хозяйства, но тогда увеличение выпуска потребительской продукции будет проходить на старой технической основе, и так безнадежно устаревшей. Произойдет снижение темпов НТП в целом по народному хозяйству, что означает ещё большее техническое отставание от передовых стран мира, консервацию сложившейся неразвитой структуры занятости.

Для эффективной реконструкции народного хозяйства необходимы как создание рыночных структур, так и радикальная перестройка системы государственного регулирования в форме заказа, налога, централизованного инвестирования. Такие методы централизованного управления применяются во всем мире для решения стратегических вопросов перспективного развития.

Нужно добавить, что неэффективное развитие экономики, её нерациональная структура ведут к относительному, а с повышением цен в 1991—1992 гг. и абсолютному обнищанию большинства социальных групп и слоёв общества. В основе этого — сложившееся в советской экономике тенденция снижения доли личного потребления в валовом национальном продукте. Если в 1951—1960 гг. она составляла 56,5%, то в 1983—1988 гг. — 54,5%, тогда как в развитых странах происходило повышение социальной ориентации экономического роста. Например, в США доля ресурсов, поступающих на цели подъема благосостояния, увеличилась — с 58,2% валового национального продукта в 1951—1960 гг. до 65,2% в 1983—1988 гг. (11). Если же учесть, что валовый национальный продукт СССР был значительно ниже, чем в США (по оценкам советских специалистов он составляет от 20 до 35—45%) (12), становится очевидной и объяснимой проводившаяся политика уравнительности в оплате труда разной степени сложности и эффективности. Создался порочный круг, когда отсталая структура занятости усложняется существующей уравнительной системой распределения, консервирующей, в свою очередь, сложившееся нерациональное разделение труда.

Таким образом, структурная перестройка экономики — это долговременная стратегическая задача создания эффективного общественного производства и современной структуры занятого населения. Значительное повышение доли высококвалифицированного труда в материальном производстве, высокая степень занятости в обслуживании и социальных отраслях, несравненно большая доля работников интеллектуального труда — это единственно продуктивная альтернатива выхода из экономического и общественно-политического кризиса к цивилизованным нормам жизни.

Наиболее острая проблема в переходе к современной структуре народного хозяйства состоит в том, чтобы преодолеть органическую невосприимчивость предприятий и системы управления к внедрению достижений НТП. Пока неясно, как в наших условиях рыночный механизм создаст сильно действующие стимулы для предприятий к введению новых технологий, как будет поколеблен всеохватывающий монополизм производителя. А именно необратимость экономической реформы служит гарантией того, что в нашей стране, как в развитых странах мира, будет проходить под влиянием НТП

перемещение работников из одних отраслей в другие, от менее к более квалифицированному труду.

Уникальность нашей ситуации состоит в том, что в отличие от стран с развитым рынком, где он складывался столетиями, мы должны перейти к нему достаточно оперативно, проводя одновременно структурную перестройку производства, иначе наше отставание будет усугубляться. В этой ситуации возможно возникновение острых социальных конфликтов в связи с высвобождением массы работников низкой и средней квалификации с упраздняемых производств. Возможная маргинализация населения, прежде всего работников физического труда, является наиболее сложной политической проблемой, которую несёт перестройка структуры хозяйства и переход к рынку. В этих условиях с неизбежностью обостряется проблема противоречий социальных интересов в обществе, становится явным плюрализм общественных притязаний, а за ними следует плюрализм действий. Уже сейчас в рабочей среде сформировалось мощное движение за отстаивание интересов трудовых коллективов, за участие в местном управлении, за влияние на политику высших управленческих структур.

46 Сейчас, когда становление институтов гражданского общества только начинается, рабочий класс и крестьянство слабо представлены в высших законодательных органах (так, на съезде народных депутатов России рабочие и колхозники составляют только 5,9%, в т.ч. рабочие промышленности 5,2%), но на уровне местного управления в ряде районов рабочие комитеты стали играть доминирующую роль. Сегодня в 150 городах страны созданы рабочие комитеты, которые объединяют огромные массы трудящихся. Только рабочий комитет Кузбасса объединяет сегодня около 1 млн. человек. На первый съезд независимых рабочих движений и организаций в Новокузнецке приехали делегации более 70 рабочих организаций. Весьма показательно, что программа рабочего движения не сводится к экономическим требованиям, а имеет целью слом административно-командной системы, достижение самостоятельности предприятий (13). Голос же крестьянства, если не иметь в виду руководителей хозяйств, всё ещё не слышен. Небольшое исключение составляют лишь первые арендаторы и фермеры на селе.

Требования, которые выдвигаются в среде работников физического труда, находятся в прямой зависимости от отношения к демократизации, рыночной экономике. Наиболее квалифицированные слои рабочего класса, крестьянства, заинтересованы в обновлении общества на демократических началах и готовы участвовать в усилении трудовой и общественно-политической состоятельности.

В исследовании "Наши ценности сегодня" было выявлено, что отношение к рыночным формам ведения хозяйства в значительной мере зависит от уровня образования респондентов: среди лиц с незаконченным средним образованием меньше приверженцев рынка, чем во всех других образовательных группах, при этом с ростом уровня образования число сторонников рынка неуклонно возрастает по всем включённым в опросный лист соответствующим вопросам. А вот анализ по социальным группам выявил, что

оценки рыночных форм хозяйствования у рабочих, производственной и непроизводственной интеллигенции и руководителей весьма близки. Более половины респондентов в этих группах отдали предпочтение рыночной экономике и отказали в своей поддержке плановой. Опрос показал, что основная масса населения, занятого в материальном производстве, сделала свой политический выбор — она за развитие многоукладной экономики, функционирующей на рыночных принципах.

Менее квалифицированные группы также заинтересованы в демократизации и экономическом подъёме, но им — в особенности тем работникам, которые заняты в "отмирающих", неперспективных отраслях производства, сложнее приспособиться к условиям рыночных отношений, к отказу от уравнительности в социальной сфере и оплате труда. Довольно неразвитая система потребностей значительной части населения, низкий уровень их материальных притязаний обуславливает и соответствующее отношение к необходимости напряжённо трудиться в условиях рынка, чтобы лучше жить. Люмпенская психология широко распространена и служит своеобразным, достаточно сильным тормозом реформ. На это уже обращалось внимание в советской литературе (14). По мнению Е. Старикова, в нашем обществе сложились значительные маргинальные группы с разрушенными социальными связями, уравнительной психологией, популистскими настроениями. Причём правый, наиболее опасный популизм объединяет в основном представителей маргинальных, промежуточных групп и люмпенизированных слоёв, связанных с устаревшими формами производства. Отмечается тенденция сближения этой правой струи популистского течения с консервативной частью бюрократического аппарата. На словах проклиная бюрократию, они гораздо более опасаются непонятного им движения за глубокую демократизацию общества и тоскуют по утраченному "порядку" и "сильной руке" (15).

Новая ситуация в решении проблемы участия непосредственных производителей в управлении связывается с изменением их функций на производстве за счёт развития функций владения и распоряжения собственностью и результатами труда. Пока ещё нельзя сказать, каковы будут оптимальные формы участия непосредственных производителей в осуществлении своих прав собственников средств производства, что, помимо участия в распределении прибыли, будет характерно для их участия в управлении, как будут складываться отношения с администрацией, каково будет их социальное самочувствие. Между тем эти вопросы весьма актуальны, поскольку от их решения во многом зависит, будет ли обеспечена вся полнота прав и свобод каждого гражданина, или по-прежнему непосредственный производитель будет отчужден от собственности, власти, управления, организации труда. Исследование "Наши ценности сегодня" показало большую заинтересованность в решении вопросов организации труда и жизни на своём предприятии — около 40% опрошенных хотели бы в этом участвовать. Ориентация на такую деятельность значительно выше, чем желание участвовать в решении вопросов по месту жительства (30,1%) или в регионе (18,8%).

Длительное время в научной литературе бытовало представление, что определённый набор показателей — представительство в советах, членство в партии, участие в собраниях, в соревновании, в бригадах НОТ, рационализаторство и изобретательство — достаточно полно характеризует социально-политическую активность работников физического труда, их участие в управлении обществом, и дело лишь за тем, чтобы ещё больше наращивать количественные показатели, добиваясь 100% охвата. А то, что все эти формальные показатели, по сути, характеризовали лишь формализм этих функций, их индифферентность по отношению к собственности, оказалось вне поля зрения.

В современный переходный период политика разгосударствления и приватизации должна учитывать социально-политическую ситуацию в стране, где при огромных размерах государственной собственности у граждан ничтожно мало собственности, преимущественно непроизводительного характера. Опасность того, что в стране произойдет номенклатурно-мафиозная приватизация собственности существует реально. И, как следствие, проблематична надежда на построение гражданского общества, где реализуется фундаментальное право человека — право на собственность.

48 От участия в приватизации наиболее многочисленной группы общества — работников физического труда — зависит успех в обновлении общества. При решении двуединой задачи — перехода к рынку и структурной перестройки производства — нельзя допустить дальнейшей маргинализации общества. Оно этого просто не сможет выдержать. Нужно подготовить миллионы людей к переходу к новой системе отношений, к восприятию новых социальных регуляторов экономической и политической жизни. В обществе должны быть открыты перед людьми новые возможности повышения социального статуса. Вопрос состоит в том: будут ли эти возможности предоставлены для непосредственных производителей и смогут ли люди этим воспользоваться?

2. Интеллигенция в новой социально-экономической ситуации

Обретение российским обществом нового качественного состояния, соответствующего мировому уровню цивилизации, является одновременно и процессом преобразования роли, которую в течение десятилетий выполняла в нем интеллигенция. Ныне становится настоятельной необходимостью более полное раскрытие экономической, социально-культурной и гуманистической сущности интеллигенции, её роли в активизации духовного потенциала общества, а также собственно духовного производства.

Историческим фактом является не только рост уровня образования за годы советской власти, но и страшный геноцид по отношению к наиболее образованной, творческой части населения. Реальностью были и годы застоя, когда велось "усреднение", "обезличивание" творческих людей,

продолжался процесс засилья административно-командных методов в хозяйственной сфере, образовании, культуре, искусстве. Эти деформации не могли не сказаться на разрыве в преемственности культурных традиций, на формировании конформистской жизненной позиции многих интеллигентов, отчуждённых форм сознания.

Каковы же основные причины девальвации в обществе интеллекта, почему в нем широко поддерживается уничижительное отношение к интеллигенции, которую якобы кормят и содержат работники физического труда — рабочие и крестьяне? Почему властные структуры упорствуют в утилитарном отношении к интеллектуальной деятельности, продолжают относиться к учёным в силу своих представлений о научных знаниях и их критической пользе?

Ответ на эти вопросы, видимо, нужно искать в существующей экономической организации общества, где центральное место занимают не свободные субъекты экономической деятельности, а иерархически организованная система власти, осуществляющая тотальное распределение. В таком обществе возможен только преимущественно экстенсивный путь развития, оно патологически не воспринимает новые идеи. За годы перестройки механизм отторжения науки, знаний не только не сломлен, но получил своё законченное развитие с утратой тех административно-нажимных методов, которые действовали ранее. За многие десятилетия сложилась система производства с дешёвой рабочей силой, дефицитом, монопольным положением производителя. Такому производству наука не нужна. И если перестройка не дала положительных результатов, то в этом повинно и оставшееся без изменений положение с использованием интеллектуального потенциала в народном хозяйстве страны. Более того, в то время, как весь мир идёт сегодня от "экономики вещей" к "экономике знаний", научно-техническая революция сменяется интеллектуальной, мы начинаем деградировать. Например, по уровню изобретательства скатились с 4-го едва ли не на 50-е место в мире и имеем более 90 процентов неконкурентноспособной продукции на уровне мирового рынка (16).

Есть все основания полагать, что и те области интеллектуальной деятельности, которые обращены к человеку, его сердцу, собственно культура, были и остаются в незавидном положении. Полупустые залы на концертах серьёзной музыки, в театрах, многие из которых даже в Москве не могут привлечь на свои спектакли зрителей, катастрофическое положение с библиотеками страны, отсутствие для большинства людей доступа к современным мировым достижениям в кинематографе, балетном и изобразительном искусстве, музыке, литературе, засилье массовой культуры, обширные области "культурной провинции", где не просто действует остаточный принцип финансирования культурного развития, но оно само все сведено к деятельности видеосалонов с прокатом фильмов сомнительного содержания — все эти известные факты современной действительности красноречиво и убедительно говорят о положении культуры в обществе, о её не востребованности в существующем общественном организме.

50

Не менее острый и актуальный вопрос в проблеме раскрытия творческого потенциала советской интеллигенции состоит в том чтобы преодолеть тот синдром подавленности интеллектуальной свободы, который насаждался десятилетиями. Духовная жизнь общества в течении долгих лет испытывала жесткий гнёт административно-командной системы управления, что не могло не сказаться на процессах не только художественного творчества, но и всех сфер интеллектуальной деятельности. Суровое администрирование по отношению к писателям, поэтам, художникам, музыкантам воплощалось в грозных постановлениях партийных органов, окриках и нотациях с высоких трибун, и, что самое страшное, в физическом уничтожении в период сталинизма деятелей культуры, науки. Не менее устрашающе действовали и постановления по хозяйственным вопросам, где обвинялись уже специалисты технического профиля, экономисты, хозяйственные руководители. По ним также жестоко прошёл каток сталинских репрессий. Стоит ли недооценивать влияние нашей новейшей истории на сегодняшний день, когда несколько поколений впитали в себя атмосферу тех, а также и более близких к нам лет, когда в художественном творчестве не поощрялся правдивый анализ реальных проблем общества, хозяйственная предприимчивость наказывалась, творческие идеи не реализовывались. Эта регламентированность творческой работы, административный диктат и создавали климат конформизма, убивали живое творчество (17).

Понятно, что оба эти процесса — становления экономической и общественной структуры, ориентированной на современные достижения науки и культуры, и создание атмосферы свободы для интеллектуальной деятельности — взаимосвязаны и взаимообусловлены. Отсутствие таких условий сказалось на развитии интеллигенции, деформировав её социальную природу, деятельность, психологию.

Новые не простые проблемы возникают в деятельности интеллигенции в связи с предстоящим переходом к рыночным отношениям. В современных условиях включённость интеллигенции в новую общественную ситуацию во многом будет определяться взаимодействием с рыночными механизмами и структурами. Как показывает опыт развитых стран мира, рынок и соответствующий ему хозяйственный механизм могут функционировать только при наличии отработанных юридических норм, компетентного и действенного государственного регулирования, определённого состояния общественного сознания, нравственности, культуры. Формирование рынка в наших условиях требует возможно более быстрого создания этих предпосылок и одновременно четкого и обоснованного установления границ действия рынка. Нелепо, хотя это и происходит сейчас, применять рыночные механизмы к развитию фундаментальных наук, культуры, образования. Этот подход способен лишь задушить эти, во всем мире финансируемые из бюджета и специальных фондов, сферы деятельности. Нужно разумное определение тех секторов, где экономическое иждивенчество не только не противопоказано, а просто необходимо. Многослойность, многофункциональность групп интеллигенции обуславливает и разную степень уязвимости её отрядов

воздействию рынка. Возьмем только два аспекта: по профессиональной принадлежности и по участию в управлении.

Профессиональная структура интеллигенции несёт в себе выражение всех проблем и деформаций, характерных для советского общества. Экстенсивный путь развития народного хозяйства, технические ориентиры в развитии экономики, остаточный принцип финансирования социальной сферы и т.д. обусловили нарастание проблем и противоречий в развитии интеллигенции, вызвали к жизни такие негативные явления, как низкий уровень использования квалифицированных кадров, деформация принципа оплаты по труду, неполная занятость специалистов гуманитарного профиля, падение престижа высшего образования в обществе и у молодёжи.

Всего в народном хозяйстве в 1990 г. было занято 37 млн. специалистов с высшим и средним образованием, что составляет 32,7% от общей численности занятых (18). Если сопоставить структуру занятых, например, в СССР и США, то видно, что отношение долей населения, занятого преимущественно умственным трудом, равно ориентировочно 1:2,5 в пользу США, причём, оно примерно совпадает с отношением уровней производительности труда в этих странах (19). В развитых капиталистических странах именно работники умственного труда составили ту социальную силу, которая в конце 40-х — начале 60-х годов двинула научно-техническую революцию на производство.

В составе интеллигенции выделяются профессиональные группы, социальный статус которых в условиях рыночной экономики с неизбежностью повыситься. Это относится прежде всего к группам технических специалистов, экономистов, юристов.

В нашей стране сложилась парадоксальная ситуация с подготовкой инженеров и техников, которые составляют почти 45% всех специалистов в народном хозяйстве. Длительное время интенсивно наращивался выпуск технических специалистов, но при этом использование их было далеко неэффективным. Зачастую инженерные должности вводились там, где вполне мог справиться человек со средним образованием. На каждые 10000 человек населения у нас 230 инженеров, между тем уровень технического прогресса значительно отстаёт от развитых стран. В 1982 г. в СССР было подготовлено инженеров в 2 раза больше, чем в США, Франции, Японии вместе взятых. Такой "валовый" подход привёл к тому, что качество подготовки инженеров во многих вузах не отвечает современному уровню. По оценкам специалистов, в промышленности каждый второй человек с высшим образованием работает в должности, не требующей получения высшего образования, то есть практически является рабочим или служащим-неспециалистом (20). По данным ЦСУ, в 1989 г. на местах рабочих работало около шести миллионов человек с дипломами (21). Самое удивительное то, что положение это замечено давно и исследовано. Но процесс, тем не менее нарастал — за четыре года с 1985-го по 1989-й — более 1,5 млн. специалистов с дипломами инженера, техника, агронома, экономиста, выпускника университета, учителя влились в ряды рабочего класса. Может ли ещё какая страна позволить себе такое расточительство, ведь

подготовка даже высоко квалифицированного рабочего намного дешевле, чем дипломированного специалиста, тем более и работает он в дальнейшем не по специальности, а значит и эффективность его труда невысока.

Престиж технического образования стал предельно низким. По данным белорусских социологов, лишь 2,3%, выбирая профессию инженера, считали её престижной (22). Причины не только в развившейся тенденции относительного снижения оплаты инженерного труда, но и в низкой удовлетворённости содержанием труда, носящего зачастую рутинный характер.

Перепроизводство технических специалистов и снижение их качества особенно усилилось начиная с 1978 г., именно с тех пор число выпускников средних школ по демографическим причинам из года в год сокращалось при одновременном нарастании приёма в инженерные вузы. Формальный конкурс при поступлении, слабая подготовка во время обучения стали распространённым явлением, затронув почти все технические вузы. В современный переходный период, когда широко практикуется заключение прямых договоров предприятий и вузов, частичное возмещение затрат на обучение, наметилась тенденция сокращения приёма на инженерные специальности. Хотя нужно сказать, что существует и опасность снижения уровня научно-технической подготовки кадров в условиях рынка, когда предприятия в погоне за сиюминутной выгодой начинают чрезмерно экономить на подготовке инженеров, что в будущем затормозит НТП на производстве, отрицательно скажется на научных исследованиях. К тому же сокращение финансирования научных учреждений не способствует притоку молодых специалистов в фундаментальную науку.

Современный переходный период характерен и тем, что формирование хозяйственных структур только начинается и предстоят существенные изменения в разделении труда в отраслевом, территориальном, профессиональном срезе и соответственно переориентация многих специалистов, получивших техническое образование. Многие миллионы инженеров в скором времени будут поставлены перед выбором и поиском своего места в новой структуре народного хозяйства в условиях рынка.

Отмеченный выше форсированный рост численности технических специалистов сопровождался сдерживанием подготовки экономистов, плановиков, юристов, товароведов, что соответствовало ориентации на командные методы в экономике в ущерб экономическим. И сегодня, при переходе к рынку, кадров, имеющих соответствующую подготовку катастрофически не хватает. К тому же подготовка экономистов, плановиков не соответствует задаче развития рыночных отношений в народном хозяйстве. Значительная их часть готовилась на вечерних и заочных отделениях, где диплом отнюдь не свидетельствует о квалификации специалиста. Весьма малая часть экономистов на предприятиях знакома с ЭВМ и математическими методами в экономической работе, привержена новым моделям управления. В этом состоит одна из причин медленной реформы в экономике страны. Хотя справедливости ради нужно сказать, что именно экономисты, в лице ведущих учёных страны, активно занимаются разработкой проблем хозяйственной реформы, предлагают правительству альтернативы экономическо-

го развития и своими публицистическими выступлениями содействуют экономическому "всеобучу" населения, формируют общественное мнение в поддержку новых методов хозяйствования.

Сейчас началась широкая подготовка специалистов по экономике в школах управления, на курсах повышения квалификации для работы в новых хозяйственных условиях. В ряде вузов страны готовят специалистов по маркетингу, по работе на совместных, в малых и кооперативных предприятиях, для участия в международных финансовых операциях. Но пока таких специалистов почти нет. Сейчас же дилетантизм, особенно на международном рынке, незнание его конъюнктуры и законов дорого обходятся нашему обществу.

Пожалуй, ни одна группа специалистов не развивалась столь медленно, как юристы. С 1980-го по 1989 гг. абсолютный прирост составил всего 72,5 тыс. человек,¹ а доля в числе специалистов осталась неизменной и составляет лишь 0,8% (21). Такое положение (добавим сюда и низкую материальную обеспеченность рядовых специалистов) характерно для общества, в котором игнорировались законы правового государства и сложилась система взаимоотношений, регулируемая в основном не на основе закона, а так называемым "телефонным правом".

До сих пор не изжито вмешательство в деятельность следственных, прокурорских и судебных органов, хотя определённые шаги по повышению их независимости от местных и ведомственных влияний были приняты. Так изменён порядок выбора судей, введен Закон о статусе судей в СССР, что явилось движением в сторону их независимости. Но судья и суд остались материально зависимы от местных властей, оценка их работы — от мнения местного руководства. Есть и другие проблемы в осуществлении принципа верховенства закона, в деятельности юридических работников (23). Строительство правового государства — это процесс коренной перестройки государственно-правовых институтов, реформы их структуры и содержания правовых норм, укрепление правопорядка, поэтому роль юридического отряда интеллигенции значительно возрастает.

Можно определенно говорить о том, что остаточный принцип в финансировании социальной сферы пагубно сказался на формировании и деятельности таких массовых профессий интеллигенции, как врачи, другой медперсонал, учителя, библиотечные и культпросветработники. При довольно высоких темпах подготовки этих специалистов достигнута определенная насыщенность их численности, но уровень их квалификации, и условия труда, материально-техническая оснащённость вызывают большую озабоченность в обществе. Так, в 1990 г. численность врачей на 10 000 человек населения в СССР в целом составляла 44,2. Если сравнить эти данные с развитыми странами мира, где высок уровень медицинского обслуживания, то видно, что этот уровень определяется не только численностью врачей, а и другими факторами. В США численность врачей на 10 000 человек населения составила 25,7 (1983 г.), в ФРГ — 30,1 (1985 г.) (24), но в здравоохранении иная, несравненно более развитая материально-техническая база и, разумеется, иная система оплаты труда.

Принципы формирования заработной платы медицинских работников, действовавшие длительное время, привели к тому, что из 15 отраслей народного хозяйства здравоохранение вместе с физкультурой и социальным обеспечением заняло по оплате труда 14-е, предпоследнее место (25).

Необычно остро стоят проблемы развития гуманитарной интеллигенции, и не только ее наиболее массовых отрядов — библиотечных и музейных работников, чье материальное обеспечение было почти в три раза ниже средней зарплаты по стране, но и художественной интеллигенции, вообще всех работников культуры. По данным ВААП, восемьдесят процентов работников гуманитарного труда имели доход менее 1200 рублей в год. А свыше 15 000 рублей в год получала в нашей стране лишь одна тысяча писателей, музыкантов, режиссеров, художников из двух миллионов, работающих в культуре. Государственная политика слишком долго экономила на культуре и образовании народа, теперь же на лицо его культурная деградация, ведущая к потере умственного и нравственного потенциала общества. Интенсивно идет отток за границу на постоянное место жительства и по долгосрочным контрактам многих выдающихся художников, ученых. Только в 1989 г. из 229 тыс. человек, покинувших страну, 1/4 составляли деятели культуры.

54 Думается, что в условиях кризисного состояния общества государство должно иметь достаточно здравого смысла, чтобы хотя бы материально защитить этот слой интеллигенции. Во-первых, принятием Закона об интеллектуальной собственности, который позволит истинным творцам в своей собственной стране создавать продукты интеллектуального труда, которые здесь же будут высоко оцениваться и давать достаточное материальное вознаграждение. Во-вторых, формированием такой налоговой системы, которая не душит творческого человека, а стимулирует к созданию глубоких произведений. То, что побудительным мотивом к творчеству интеллигенции должен быть исключительно патриотизм, как призывал писатель А. Проханов на встрече деятелей культуры с М. С. Горбачевым, может вызывать прекрасные иллюзии, но реальность такова, что выезжают за границу одни из самых талантливых и уже получивших в мире признание деятелей науки и культуры. Тем самым интеллектуальный потенциал общества заметно снижается. Между тем по уровню образования мы и так стоим, по данным ЮНЕСКО, на 28 месте в мире (26). Кто же способен поднять этот уровень, как не наиболее способные и образованные члены общества? Кто спасет общество от духовного оскудения?

Реформа политической и экономической системы со всей остротой поставила вопрос о том слое в составе интеллигенции, который профессионально занят управлением. На страницах прессы с негодованием стала упоминаться цифра в 18 млн. — именно столько было занято в управлении в 1986 г. Сейчас высказывается широкий спектр мнений о социально-классовой природе слоя управленцев: что он трансформировался в особый класс общества со своекорыстными и антиобщественными интересами, что он, манипулируя отношениями, приобретает классовобразующие признаки, что он единственный владелец собственности в стране и использует ее к своей

выгоде (27). Хотя заметим, ни один собственник не стремится разрушить свою собственность, дезорганизовать ее. В наших условиях именно это и происходит — так называемый "собственник" не только не смог эффективно управлять производством, создать его рациональную структуру, а напротив, привел ее к коллапсу. По-видимому, бюрократический аппарат все-таки не владеет собственностью, хотя и использует ее в свою пользу, а выполняет функции, которые переданы ему от обезличенного субъекта — государственно-партийной элиты. Выполняет в силу корпоративного интереса и своей невысокой компетенции.

Можно присоединиться к группе авторов, которые утверждают, что этот слой, включавший каждого второго работника преимущественно умственного труда, в социальном отношении крайне неоднороден. Он скорее может рассматриваться не как "единый слой", а как вертикальная структура, как "сложноподчиненная" иерархически организованная общность. Между статусами, возможностями, преимуществами различных ее уровней существуют резкие перепады (28). Упомянутую выше общую численность аппарата управления можно разделить на три группы. Первая занята в высших этажах системы — в министерствах, ведомствах, в аппарате Президиумов Верховных Советов, судебных и юридических учреждениях, в аппарате органов управления кооперативных и общественных организаций. Численность этих работников составляла 14%, или 2366 тыс. человек (1986 г.). Рост их с 1975 г. составил 21%. При этом хорошо известно, что именно на уровне народного хозяйства в целом управляемость экономическими и социальными процессами за эти годы неуклонно снижалась. И это несмотря на то, что было создано 55 общесоюзных министерств, многоотраслевой комитет Госагропром, а также другие государственные органы по управлению всеми сферами общественной жизни, численность которых примерно равна численности министерств. К тому же в стране существовало 800 республиканских министерств и ведомств, в среднем на республику 30 министерств, 15 госкомитетов, 20 других республиканских ведомств.

Другая группа работников управления занята на предприятиях и в организациях. Всего в народном хозяйстве в 1989 г. действовало 514,4 тыс. предприятий, организаций, учреждений, где аппарат управления составлял 11,5 млн. человек (29).

Третья группа — работников вспомогательного обслуживания в управлении — инженеры, техники, обслуживающие машины и приборы управления, а также водители служебных легковых машин, машинистки, операторы, младший обслуживающий персонал, работники охраны и т. д.

Социальное положение профессиональных управленцев формировалось в течении многих десятилетий господства административно-командной системы управления, при которой основная масса трудящихся отчуждена от реального выполнения властных функций. Как говорил герой повести А. Платонова "Город Градов" Шмаков: "Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей". Теперь мы знаем, какова была плата за это однообразие. Перейти к демократиче-

ской системе управления после 73 лет такого однообразия нелегко, но другого выхода просто нет. А сам переход во многом зависит от позиции и участия в нем управленцев.

Сегодня в общественном сознании прочно утвердилось мнение, что управленческий аппарат — главный тормоз перестройки и, следовательно, для обновления общества необходимо, как минимум, сократить аппарат, "перекачав" часть его работников в сферу материального производства. Широкое распространение получили антиуправленческие настроения рабочих, других слоев общества (30). Некоторые авторы отмечают, что в центре требований рабочих движений стоит антиноменклатурный протест, интуитивная "классовая солидарность", грозящая социальными конфликтами (31). Такой конфронтационный подход создает немалые трудности в стабилизации современного состояния экономики и выхода ее из кризиса. Проблема же состоит в том, чтобы перейти от административно-командной системы управления, основанной на одной — государственной — форме собственности, к многообразию ее форм, предоставить предприятиям самостоятельность, защитить ее законом, ввести преимущественно экономические методы управления. И вот тогда, как следствие, изменятся качественно функции самих управленцев, а рыночные отношения оптимизируют численность этих работников.

56 Очевидно, это показывает мировой опыт, что весь народно-хозяйственный комплекс, и политическая структура не могут развиваться без профессионалов, без преодоления дилетантизма аппарата как в сфере хозяйства, так и в сфере управления политикой, идеологией, культурой. Обществу нужен и профессиональный парламент, и профессиональные управленцы на всех уровнях — управленцы с хорошей научной подготовкой, способные не "встраиваться" в существующую систему управления, а кардинально повышать ее эффективность, выступающие за переход к рынку. И управленческая интеллигенция должна стать союзником в этом переходе. От того, что ее сейчас сделали врагом № 1, ее сопротивление только крепнет. Более рациональный подход — использовать сложившийся в системе управления интеллектуальный потенциал для перехода к рынку, сделать управленцев высокооплачиваемыми работниками по найму у коллектива собственников самостоятельного предприятия. Тогда и произойдет естественный отбор наиболее предприимчивых и инициативных, так как низкорентабельная или убыточная работа предприятий, не получающих, естественно, дотаций от государства, поставит под удар и самих управленцев, и нанявший их коллектив, заставит искать более знающих специалистов. В условиях рынка становится очевидным, кто чего стоит.

Кстати, по данным исследования "Наши ценности сегодня" положительное отношение к рыночной экономике, многообразию форм собственности, показывает больше руководителей, чем представителей других отрядов интеллигенции. Обращает на себя внимание более радикальное отношение управленцев-руководителей к стимулирующей роли оплаты труда — более 80% руководителей не согласны с тем, что между людьми не должно быть большой разницы в доходах и почти 85% считают: чтобы люди лучше работали, нужна большая разница в оплате их труда.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что восстановление разрушившейся административно-командной системы в прежнем виде уже невозможно, но и реорганизация управления экономикой не может осуществляться одновременно. Поэтому должен функционировать более совершенный, чем сейчас, механизм контроля со стороны народа над деятельностью аппарата — нужно упразднить не только материальные привилегии аппарата, но и привилегии во владении информацией. Урезанная демократия связана с ограничением доступа трудящихся к информации, с ее "дозированием" в целях защиты монопольного права аппарата на принятие решений, и, как следствие, вывод его из-под контроля масс. В ходе демократизации необходимо преодолеть замкнутый характер информации в системе управления, сделать полную гласность процессов, затрагивающих интересы трудящихся, коллективов, непременным атрибутом выработки и принятия решений. То есть нужно не просто усовершенствовать стиль работы аппарата, а коренным образом его демократизировать.

Таким образом, социальный статус работников управления должен быть изменен так, чтобы ликвидировать их монопольное положение в системе власти, с одной стороны, а с другой, в том, чтобы лучше использовать человеческий потенциал системы управления, наращивать в ней компетентность и профессионализм в новых условиях — экономического регулирования производства и становления правового государства. Можно присоединиться к мнению польского социолога Я. Шепаньского: "Не искоренять бюрократию, поскольку еще никто за всю историю, начиная с Древнего Египта, не одержал победы над бюрократией. Бюрократию надо мобилизовать, перестраивать ее так, чтобы превратить в действительную творческую силу, отвечающую реальным потребностям общества (32)."

3. Возникнет ли "средний слой" в советском обществе?

Рыночная экономика, закладываемая в базис гражданского общества, по-новому ставит проблему структурирования занятого в народном хозяйстве населения. Она напрямую связана с ускоренным развитием средних слоев, включающих научные и инженерно-технические кадры, специалистов по управлению, высококвалифицированных рабочих, владеющих новыми технологиями, фермеров, предпринимателей, владельцев мелких предприятий и т.д. Формирование средних слоев, рождаемых НТР и связанных с новыми, рыночными формами хозяйствования — это начало в преобразовании наемных работников с низким уровнем жизни, полностью зависимых в своей производственной и внепроизводственной деятельности от государства, в активных, относительно самостоятельных и относительно материально не зависимых от государства членов общества.

Понятие "средние слои" разработано в западной литературе. Для характеристики структуры современного капиталистического общества оно оправдано тем, что верно характеризует тенденцию появления в обществе

средних по уровню доходов слоев населения, экономически наиболее активных и конкурентноспособных в условиях НТР и свободного предпринимательства (33). Для этих слоев характерен стандартный семейный бюджет, сравнительно устойчивый уровень жизни, высокий уровень общего и профессионального образования и культуры. Можно сказать, что средние слои придают устойчивость экономическим и политическим отношениям в развитых странах. Здесь средние слои составляют до 60 и более процентов населения. Они обживают обширные пригороды или ухоженные городские кварталы, создают хорошие школы и другие муниципальные службы, свои торговые центры, автосервис и т.д. Эти слои, обладающие высокими профессиональными знаниями, активно воздействуют на общество в целом, его экономику и политику в особенности. Они считают вопросом первостепенной важности осуществление "справедливого неравенства", обосновывая новый, антиуравнительный подход к проблеме справедливости.

Перспектива формирования среднего слоя в нашей стране связана с преобразованием по меньшей мере двух социальных групп общества. Первая группа (назовем ее условно "элита"), которая может быть выделена по уровню доходов, сопоставимому с доходами среднего слоя в развитых странах, включает в себя партийно-бюрократическую элиту, руководителей отраслей, крупных предприятий, верхний слой управленческого персонала, незначительную часть ученых и технических специалистов, часть гуманитарной интеллигенции, а также тонкий слой рабочего класса, совмещающего производительный труд с выполнением партийно-административных функций. Сюда же можно отнести и определенную часть работников торговли, имеющих сверх официальных нелегальные доходы. Этот слой у нас составляет, по некоторым оценкам, до 15% населения. Он слаб по профессиональному составу и в значительной мере состоит из представителей административно-командной системы, не обладающих профессиональными навыками для экономической активности в условиях рынка. Их знания и опыт скорее со знаком "минус" в рыночных отношениях и при переходе к ним. К тому же закрытость многих элементов этого слоя ограничивает его мобильность и способность впитывать наиболее социально активных членов общества. Одновременно этот слой достаточно силен, чтобы длительное время препятствовать преобразованию экономических отношений на новых, рыночных принципах, предпочитая монопольно распоряжаться своей властью в распределении и перераспределении национального дохода и общественного продукта, а теперь, чтобы устранить конкурентов в борьбе за собственность при переходе к рынку. Объективные процессы, проходящие в экономике, кардинально меняют социальные ориентиры в развитии этой группы. Многие ее члены активно включаются в рыночные отношения, широко используя свои связи в еще не распавшейся до конца командной системе, стремясь и в бизнесе занять ключевые посты.

Вторая социальная группа, которая может стать источником формирования среднего слоя общества, — это многочисленные профессионально подготовленные работники, составляющие массовые отряды интеллигенции, высококвалифицированные слои рабочего класса, фермерства. Их неудов-

летворенность своим социально-экономическим положением, уровнем потребления как в сравнении с "элитой" внутри страны, так и с аналогичными группами на Западе, является мощной социальной базой преобразования экономики на рыночных принципах и борьбы за демократизацию общества. Первым каналом, который позволил включиться в рыночные отношения этой социальной группе, стали кооперативы. Но условия, в которые административно-командная система их поставила (жесткая налоговая политика, противоречащие друг другу нормативные акты, враждебность населения) таковы, что в этой среде немало предпринимателей с криминальной ориентацией. Подавляющая часть квалифицированных и деловых работников опасаются включаться в предпринимательство в таких условиях.

Таким образом, в стране только начинается формирование, подчас очень драматичное, среднего слоя, подобного среднему слою развитых стран, где уровень материального благополучия зиждется на высокой эффективности труда и профессионализме, способности быстро адаптироваться к требованиям НТР и рыночным отношениям.

Вместе с тем потенциально социальная база для формирования средних слоев в наших условиях достаточно широка. Прежде всего за счет довольно большого числа специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве. Большинство из них по своему статусу низведены до роли наемного работника с предельно низким уровнем доходов, зачастую ниже прожиточного минимума. Не случайно, что именно они, по данным социологических опросов, поддерживают идеи рыночного пути развития (34), так как видят в переходе к рыночной экономике возможность улучшить свое материальное положение, реализовать творческий и интеллектуальный потенциал. К потенциальной базе средних слоев может быть отнесена и незначительная по численности, но перспективная группа рабочих, связанных с высокими технологиями. В нашей стране, по оценкам С.Меньшикова, в распределении национального дохода, направляемого на оплату труда, происходит недоплата в расчете на единицу создаваемого продукта в размере не менее 65% (35). Именно группа работников высокой квалификации наиболее ущемлена в получении дохода в результате, во-первых, уравнительного распределения, а во-вторых, из-за неэффективного использования творческого потенциала специалистов.

Достаточно симптоматично, что отношение к материально справедливому вознаграждению, по мере затягивания в реформировании экономических отношений, становилось за годы перестройки все менее оптимистичным. Так, если уверенность, что заработок возрастет при увеличении трудового вклада, выразили в 1986 г. 40% работников, то в 1988г. — 34%, в 1989г. — 12%, в 1990г. — только 6% (36). Такое разочарование — это плата за отсутствие реальных шагов в экономической реформе.

Далее, средний слой со временем может пополниться фермерами, мелкими предпринимателями, менеджерами, владеющими современными знаниями об управлении в условиях рынка. Сейчас пока можно говорить об этих группах лишь гипотетически. Словом, средний слой, соответствующий современной рыночной экономике, может быть создан только при смене

системы экономических отношений — при переходе от административной экономики к экономике, управляемой рыночными механизмами с развитой конкуренцией и свободным предпринимательством, с плюрализмом форм собственности — к экономике смешанного типа. Но вместе с тем сам переход может быть осуществлен, если в обществе уже реально существует достаточно представительный по численности слой, заинтересованный в таком переходе. Сейчас этот слой имеется только в потенции, его реальное существование и рост во многом зависят от реальной политики и создания правовых условий, которые активно способствуют формированию товарно-денежных отношений.

В формировании среднего слоя в социальной структуре российского общества видится реальная возможность и весьма актуальная необходимость для преодоления дальнейшей люмпенизации населения и нарастания социальной напряженности. Этот социально-политический эффект не менее актуален, чем экономический, тем более, что они взаимосвязаны.

Потенциально широкая социальная база в формировании среднего слоя в нашей стране может быть реально использована при выработке социальной политики по разгосударствлению экономики. Ведь дело не просто в том, чтобы повысить оплату труда, подняв тем самым уровень жизни квалифицированной части общества, а в том, чтобы создать такой механизм мотивации труда, который сломал бы уравнильность в системе распределения, поставил ее в зависимость от трудового вклада. Наш опыт уже вполне доказал, что огосударствление всех форм собственности и высокоэффективная экономика — несовместимые понятия в условиях НТР. Только с развитием товарно-денежных отношений и сильной мотивации труда может быть включен в экономике "мотор" личного интереса. В обществе весьма неоднозначное отношение к уравнильности в распределении. Во многих публицистических и научных работах сильно преувеличено стремление людей к равенству в доходах и их желание быть "как все", их якобы завистливое отношение к тем, кто выделяется, много зарабатывает. В исследовании "Наши ценности сегодня" было предложено суждение "между людьми не должно быть большой разницы в доходах, даже если это приведет к тому, что некоторые будут работать хуже, чем могли бы". С ним не согласились 56% опрошенных. Еще больше — 67,2% считают, что для этого, чтобы люди лучше работали, нужна большая разница в оплате их труда. Вместе с тем в условиях почти стопроцентного огосударствления экономики, когда государство является единственным собственником и работодателем в лице предприятий, колхозов, совхозов, других организаций, большинство считает, что правительство должно обеспечить работой каждого, кто в ней нуждается (88,4%), и каждому дать гарантированный доход (70,9%). Можно было бы усмотреть в этих данных склонность к иждивенчеству, отсутствие самостоятельности и инициативы, если бы не отмеченное выше обстоятельство — почти полное огосударствление экономики. Не следует преуменьшать и достаточно развитое в народе чувство здравого смысла, который не позволяет пускаться в развитие альтернативного сектора без определенного законодательного и экономического обес-

печения его деятельности. Тем более, что сам альтернативный сектор находится в зачаточном состоянии.

Монопольное господство государственной собственности означает отсутствие независимых от государства субъектов собственности, заниженную стоимость высококвалифицированной рабочей силы. Естественно, что эти обстоятельства тормозят формирование среднего слоя в обществе. В наших условиях только с развитием товарно-денежных отношений, смешанной экономики и структурной перестройки производства будут созданы условия для появления массового среднего слоя.

Сейчас же — в начале рыночных отношений, не затихают споры о том — приемлет ли население рынок. Тезис о неготовности советского человека к рынку большинству кажется столь очевидным, что его не нисходят даже аргументировать. Между тем сравнительное исследование, проведенное советскими и американскими социологами, показало, что советские люди относятся спокойнее к неравенству в доходах, чем американцы, они не менее, а более американцев испытывают тягу к материальному благополучию. Сходная реакция у советских и американских респондентов и на возможное повышение цен на рынке. То есть исследование показало, что поведению на рынке не нужно учить: это то, что заложено в самой природе человека (37). Естественно, что при переходе к рынку нужно учитывать объективное состояние социальной структуры общества — наличие большого числа жителей пенсионного возраста, нетрудоспособных, лиц с низкой квалификацией, уже неспособных по возрасту к переподготовке, и тому подобных категорий. Для них должна быть создана социальная защита. Остальные же — наиболее активная часть общества, может реализовать и даже повысить в условиях рыночной экономики свой профессиональный и культурный потенциал. Весьма показательна, что наиболее молодая, образованная и квалифицированная часть трудящихся ориентируется на рыночные отношения, на развитие частного предпринимательства и института частной собственности. Эта группа придерживается наиболее радикального подхода к существующему экономическому механизму и своему месту в системе экономических отношений. В целом отношение населения к рыночной экономике более благосклонно, чем к плановой, плоды функционирования которой всем очевидны. В исследовании "Наши ценности сегодня" на вопрос "что бы вы выбрали сегодня для себя: рыночную экономику, где оплата труда определяется только спросом и предложением на рабочую силу и люди могут получить работу только тогда, когда их квалификация соответствует работе, или плановую экономику, при которой оплата труда работника устанавливается правительством и люди всегда могут получить работу?", за рыночную экономику высказались 48,7% респондентов, плановую же поддержали только 20,4%. Существенно влияет на выбор рыночной формы ведения хозяйства уровень образования — с его повышением число сторонников рынка растет (от 27,8% с незаконченным средним образованием до 70,2% с высшим), соответственно падает число приверженцев планового хозяйства. Характерно, что более 50% по всем социальным группам (рабочие, военные, домохозяйки, учащиеся, производственная

и непроизводственная интеллигенция) выбирают рынок. Среди крестьян более 40% пока не определили свое отношение, но и за плановую экономику высказались только 17,8% крестьян и 27,2% пенсионеров.

В оценке форм собственности вопрос был сформулирован так, что предлагал выбрать либо ситуацию с превалированием государственной формы собственности и стабильным уровнем цен, или такую форму, которая характерна для смешанной экономики, где действуют рыночные отношения покупателя и продавца. В анкете спрашивалось: "что бы вы выбрали для себя: такую форму собственности, при которой много потребительских товаров высокого качества, но не все имеют одинаковую возможность купить из-за цен, или такую форму собственности, когда цена на товары низкая и все могут приобрести их, но товары не всегда есть?" За форму собственности, характерную для рыночной экономики, высказались 49,4% опрошенных, за существовавшую ранее 28,0%, при этом 19,2% не определили своего отношения.

В оценке необходимости радикальной экономической реформы, которая приведет к свободной рыночной экономике, но сначала вызовет безработицу, инфляцию, рост цен и только потом экономическое процветание и изобилие потребительских товаров, около 46,9% за проведение реформы и лишь 17,8% считают, что ее проводить не надо. Около 34% опрошенных свое мнение пока не определили.

В контексте рассматриваемой проблемы формирования среднего слоя советского общества определенный интерес вызывает группа опрошенных, которая позитивно оценивает шесть сформулированных в анкете характеристик рыночной экономики, принимая даже такие ее признаки как неравная доступность из-за высокой цены потребительских товаров для всех групп населения; возможная незанятость в производстве из-за низкой квалификации; большая разница в оплате труда; массовая безработица и высокие цены на первых этапах вхождения в рынок. Это группа, положительно относящаяся к преобразованию экономики на новых, рыночных началах, достаточно велика, она составляет 12% от всех опрошенных. Сравнение социальных характеристик группы "рыночников" со всем массивом позволяет составить социальный портрет этой группы. Для нее характерен более высокий уровень общего и специального образования — доля лиц с высшим и неполным высшим образованием на 8% выше, чем в целом по всем опрошенным. Довольно высокие заработки на основной работе — начиная с 201 рубля число сторонников рынка возрастает по сравнению с основным массивом, а доля имеющих дополнительный заработок в этой группе в 2 раза выше, чем среди всех опрошенных. "Рыночники" трудятся в основном на государственных предприятиях или в бюджетных организациях, их доля меньше в колхозах и совхозах, нет их среди работников общественных организаций. Альтернативный сектор слабо представлен в выборке и нуждается в дополнительном исследовании. Сторонники рыночной экономики — люди сравнительно молодые и зрелого возраста, до 50 лет. Старше этого возраста доля "рыночников" снижается по сравнению с численностью этой возрастной группы во всем массиве. Среди отраслей народного хозяйства в

числе сторонников рынка доминируют сферы материального производства, высшая школа, техникумы и ПТУ в лице студентов и учащихся, а работники здравоохранения, народного образования, культуры представлены в два раза меньше, чем их доля среди всех опрошенных.

Наконец, по принадлежности к социальным группам в составе "рыночников" выделяются рабочие — их на 15% больше, чем доля рабочих среди всех опрошенных, учащихся больше почти в 4 раза, пропорционально число производственной интеллигенции, руководителей. А вот среди крестьян, непромышленной интеллигенции, пенсионеров доля "рыночников" существенно ниже.

Таким образом, можно сказать, что группа ориентирующихся на рыночную экономику представлена наиболее активной частью населения, для которой переход к новой системе экономических отношений связан с надеждами улучшить свой социальный статус в обществе благодаря своим способностям, собственным усилиям и квалификации.

Рассмотренная выше группа "рыночников" была выделена на основе положительного отношения к шести характеристикам рыночной экономики. Если же анализировать только по пяти признакам, то эта группа возрастает еще на 27%. Этот потенциальный прирост "рыночников" пополняется за счет тех же категорий, которые характерны для описанного выше контингента. Следовательно, можно сказать, что идеи рыночной экономики достаточно широко распространены в обществе и принимаются активной частью населения.

Специального внимания заслуживает группа лиц, имеющих неполное высшее образование, представленная в основном студентами вузов. Их отношение к рыночной экономике многое определяет в будущем народного хозяйства, в будущем нашей страны. Анализ социологических данных показывает, что эта группа наиболее радикально настроена на введение рыночной экономики. Почти 70% из этой группы ориентированы на свободную рыночную экономику, почти 80% за большую дифференциацию доходов в зависимости от результатов труда, 84% за экономическую реформу, даже если она приведет сначала к безработице, инфляции, росту цен. Почти 75% высказались за свободу в экономическом поведении.

Наконец при всеобщем сдержанном отношении к теневой экономике, которое выявил опрос, группа студентов относится к ней более благосклонно, считая, что она восполняет дефицит, который не обеспечивает государственное производство (почти 60%, против 23% по массиву); оценивает ее как реакцию против административно-командной системы (почти 47% против 29,6% по всем опрошенным); отмечает, что теневую экономику следует узаконить в рамках разнообразия форм собственности (43,1% против 25,8% в целом по всем опрошенным). Показательно и отношение этой группы к своим знакомым в теневой экономике. Во-первых, лишь 39% из них не имеют таких знакомых — меньше, чем все другие группы (70%). Во-вторых, отрицательно к таким знакомым относятся только 5,1% (8,1 в целом), безразлично 11,6% (4,6% в целом), положительно 17,0 (5,6% в целом). Характерно, что 14,1% из группы с незаконченным высшим

образованием считают для себя возможным участвовать в теневой экономике, в том числе в роли организаторов 10,5%. Отношение к теневой экономике может быть интерпретировано как отношение к полезности и необходимости предпринимательской деятельности, ибо другие формы предпринимательства находятся пока в зачаточном состоянии.

Итак, проведенное исследование ценностных ориентаций населения России показало значительный интерес к развитию рыночных отношений в экономике. Оно выявило, что формируется активный субъект рыночных отношений с достаточно высоким уровнем образования, занятый в основных отраслях материального производства. Его социальные характеристики таковы, что позволяют говорить о больших потенциальных возможностях в формировании среднего слоя общества, включающего тех представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, которые ориентированы на реализацию своих интеллектуальных и творческих возможностей, способных высокоэффективно трудиться для достижения высокого качества жизни. Социальная политика возрождения России не может не опираться на средние слои общества, не может не формировать их целенаправленно, ибо это естественная социальная база реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нерсисянц В. С. "Декларация прав человека и гражданина" в истории идей и правых человека // Социологические исследования. 1990. № 1. С.138.

2. Ясин Е. Разгосударствление и приватизация // Коммунист. 1991. № 5. С.99-111; Пияшева Л. Раздача // Литературная газета, 12 декабря 1990 г., Алексеев С. Обретение // Там же; А. Вольский. Рынок и экономическая стабилизация // Коммунист. 1991. № 6.

3. Стародубровская И. Основы антимонопольной политики // Вопросы экономики. 1990. № 6.

4. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1988. С.109.

5. Правда, 15 февраля 1990 г.

6. Римашевская Н. М. Народное благосостояние: мифы и реальность // ЭКО. 1988. № 7.

7. Знамя, 1990. № 10. С. 194.

8. Правда, 5 декабря 1989 г.

9. Глазьев С., Львов Д. Остаться вчерашним? Хозяйственная реформа и научно-технический прогресс // Коммунист. 1989. № 8. С.21.

10. Логинов В. Есть ли выход из кризиса? // Вопросы экономики. 1990. № 4. С.7.

11. Зотеев Г., Хьюит Э. Процесс экономических реформ и его катализаторы // Коммунист. 1989. № 13. С.53.

12. Коммунист. 1990. № 16. С.70-72.

13. Аргументы и факты. 1990. № 17.

14. Гордон Л., Назимова А. Перестройка: возможны варианты // Коммунист. 1989. № 13; Цветов В. Когда мертвый хватает живого // Огонек. 1989. № 49. С.31.

15. Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: "Что с нами происходит?" // Знамя. 1989. № 10. С.131-162.

16. Шукшунов В. По остаточному недомыслию // Правда, 3 апреля 1990 г.

17. Два наследства // Коммунист. 1989. № 9.

18. Народное хозяйство СССР в 1990г. Стат. ежегодник. — М., 1991 С.102-104.

19. Правда, 12 декабря 1989 г.

20. Аргументы и факты. № 13. 1989. С.6.

21. Народное хозяйство СССР в 1989 г. — М., 1990. С.60-63.

22. Великий Октябрь и социальная структура советского общества. Интеллигенция. Минск, — 1988.,
23. Бородин С., Кудрявцев Ю. Преступность: не паниковать, а разобраться // Коммунист. 1989. № 14.
24. Народное хозяйство СССР в 1987 г. — М., 1988. С.667.
25. Там же. С.390-391.
26. Правда, 7 февраля 1990 г.
27. Неделя, 1988. № 17; Управление и бюрократизм. — М., 1989. С.33; Социально-политические науки. 1990. N 5.
28. Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнения // Коммунист. 1988. № 12. С.79.
29. Коммунист. 1988. № 17, 29.
30. Социологические исследования. 1990. № 1. С.16-17.
31. Рабочий класс и современный мир. 1990. № 4. С.124-131.
32. Интеллигенция перед лицом новых проблем. — М., 1988. С.24.
33. Современный капитализм: социально-политические проблемы и противоречия НТР. — М., 1989.
34. Вопросы экономики. 1990. № 7. С.57.
35. Меньшиков С. Советская экономика: катастрофа или катарсис. М., 1990. С.119.
36. Человек и экономика (результаты социологического анализа). Инф.бюллетень № 7. — М., 1990. С.29.
37. Московские новости. 1990. № 45. С.10.